

Седьмую симфонию Дмитрия Дмитриевича Шостаковича я исполнял много раз — и за границей, и в Большом зале Петербургской филармонии. Мысль о том, что ее ленинградская премьера состоялась здесь, в блокадном городе, 9 августа 1942 года, подсознательно всегда во мне присутствует. Музыкантов шесть или семь из того, легендарного, коллектива еще играли и в филармоническом оркестре, который я возглавил в 1968 году. Мне было 29 лет.

Поразительно, но музыканты, участвовавшие в блокадном исполнении, не оставили дневниковых записей ни о репетициях, ни о премьере симфонии. Вы не найдете их и у скрипача Льва Маргулиса, чей дневник сейчас будете читать. Это остается для меня загадкой. Но и позже, спустя много лет после войны, оркестранты не часто рассказывали о тех днях. А ведь они попали в Дантов ад блокады. Это было существование, не имеющее ничего общего с человеческим. Наверное, в том ужасе, в том блокадном кошмаре работа над симфонией оказалась для них способом выживания, сохранения себя как личности. Эта работа, столь привычная для них в мирное время, в чудовищных условиях блокады вдруг оказалась единственным *нормальным* проявлением жизни. Мне кажется, музыканты, ее исполнившие, даже не осознавали в полной мере, какой это был поразительный поступок, какое это было поразительное мужество.

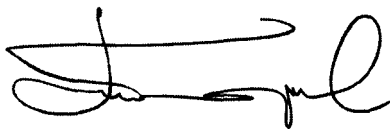
Трудно представить, что на самом деле чувствовали сидящие во фраках на сцене люди, переживающие унижение голодом, холодом, страхом смерти. Отступал ли у них этот страх во время игры?

Когда началась война, мне было очень мало лет, но я совершенно отчетливо помню, как в наше село входили немцы. Я помню, как в нашем домике жил комендант со своим денщиком, я помню, как они уезжали... Это очень странно, но какие-то вещи необъяснимым образом запоминаются навсегда. Я помню, как, уже после ухода немцев, на санях привезли моего расстрелянного отца, он был командиром партизанского отряда...

Наверное, дирижируя Седьмой, я обо всем этом не думал. Но воспоминания детства, вся жизнь, которая тобой прожита, она остается навсегда в твоих генах, и, когда нужно, они работают.

Поставить себя на место музыкантов блокадного оркестра невозможно. Никто из нас не знает, как поступал бы в тех условиях. Мы можем только предполагать. Но им удалось подняться над блокадным адом. В этом и заключался их героизм.

Большой зал филармонии, где впервые была исполнена Седьмая, Ленинградская, симфония — зал для нашей страны особенный, намоленный. Здесь русская музыка выстроила фундамент своего будущего. В этом зале за девять дней до смерти дирижировал своей Шестой симфонией Чайковский. Здесь в годы гражданской войны и разрухи была открыта первая русская филармония. Здесь в годы Отечественной войны состоялось блокадное исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. И это тоже стало частью фундамента нашей культуры.

ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

Еще один блокадный дневник. Еще один человек из тех, кто «были там... тогда». Записи открываются первым днем войны и продолжаются — с разной степенью регулярности — до прорыва блокады в 1943 году. На заполненных аккуратным почерком страницах предстают город и горожане в летние месяцы 1941 года, когда в одночасье прекратил существование налаженный мирный быт и каждому предстояло найти свое место в новой действительности. Затем возникают драматичные картины осени, когда враг оказался у самых стен Ленинграда, окружил его и начал — силами авиации и артиллерии — систематически разрушать дома, убивать жителей. Потрясают страницы дневника, где речь идет о голодной зиме 1941/42 года, о днях, когда выражение «люди мрут как мухи» стало обиходным. И далее — к лету 1942 года, когда надежда на спасение стала казаться реальной.

О блокаде написано много. Общая картина трагической эпопеи уже сложилась. Но каждое описание того времени носит свои особенные черты. Уникальны сведения из первых уст. Публикуемый дневник — индивидуальный голос в общем хоре. Особую ценность дневнику придает тот факт, что автор был «человеком из оркестра» — занимал одно из ведущих мест в коллективе, прославившемся на весь мир исполнением в осажденном Ленинграде 9 августа 1942 года Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича.

Ведение дневников, чтение книг, исполнение и слушание музыки — эти и другие проявления духовной, интеллекту-

альной жизни становились средством самозащиты, противодействия смертоносной обстановке блокады. В культурных традициях великого города люди искали поддержку. Впрочем, вряд ли они осознавали это. Блокада заставляла их сосредоточиться на будничных проблемах.

Ленинград — Блокада — Музыка и музыканты — главная тема данного издания.

Лев Михайлович (Менделевич) Маргулис родился 12 января 1910 года в городе Бельцы (Бессарабия, теперь — Молдавия). Политические бури последующих лет вынудили семью (в нее — помимо Льва — входили отец, мать и новорожденный брат) менять места проживания. Жили в Тифлисе. Потом несколько лет семья жила в Николаеве. Здесь Лев завершил общеобразовательную семилетку, здесь же, в так называемой Народной консерватории, началось его серьезное обучение игре на скрипке*. Следуя за семьей, он в 1926 году переехал в Москву, где поступил в консерваторию, а вскоре все объединились в Ленинграде, и в 1927 году Лев стал студентом Ленинградской консерватории. «Намерен стать профессиональным скрипачом-исполнителем», — написал он в заявлении о приеме**. Учение шло очень успешно. В 1929 году талантливый юноша, продолжая учиться, прошел конкурс и был принят в оркестр Государственного академического театра оперы и балета (Мариинский театр). Повышая свой профессиональный статус, он вскоре, опять-таки по конкурсу, перешел в группу первых скрипок Малого оперного (Михайловского) театра.

* Народные консерватории были новым для того времени явлением. Они начали организовываться во второй половине 1900-х гг. с культурно-просветительской и музыкально-образовательной целью. Были распространены по всей России.

** Сведения о Маргулисе почерпнуты из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), а также в Объединенном межведомственном архиве культуры (СПб).

Затем (в 1936 году) стал аспирантом Консерватории, параллельно участвуя в качестве солиста в деятельности Концертного бюро Филармонии. Окончив аспирантуру, поступил в лучший симфонический коллектив города — в оркестр Ленинградской филармонии.

Однако при этом сократились возможности его сольных выступлений, и в 1940 году Маргулис стал концертмейстером (то есть первым лицом после дирижера) симфонического оркестра в Филиале Театра оперы и балета (в помещении Народного дома).

Уже само движение его карьеры говорит о масштабе Маргулиса как музыканта. Прямым свидетельством достигнутого им уровня исполнительства служит характеристика, выданная ему как аспиранту Консерватории в апреле 1938 года: «Очень даровит, обладает отличными виртуозными качествами. Звук его теплый, выразительный, техника смычка и пальцев разнообразна, очень хорошо развита; в исполнении благородство, музыкальность, хороший вкус и темперамент. Маргулис может быть использован как концертант, солист симфонического оркестра и ансамблист». Характеристика подписана И. Р. Налбандяном — одним из выдающихся профессоров Консерватории, воспитавшим ряд скрипачей мирового уровня*.

Красноречива и программа аспирантского концерта Маргулиса, прошедшего 10 мая того же года в Консерватории, в Малом зале им. А. К. Глазунова. В нее вошли сочинения Бетховена и Паганини (I отделение), Венявского, Крейсlera, Мендельсона и Франка (II отделение). В музыкальный мир Ленинграда входил зрелый, высококлассный исполнитель, музыкант, амбициозность которого гарантировала дальнейший творческий рост.

* В статье из электронной Энциклопедии фонда «Хайазг» можно узнать основные сведения о Налбандяне. Примечательны заключительные строки: «В годы Великой отечественной войны был эвакуирован в Ташкент, где умер от тоски по Ленинграду».

В советские годы каждому студенту, аспиранту, работнику приходилось заполнять анкеты, которые составлялись с целью выяснить социальное происхождение и положение человека, его «общественное лицо». В общественной области у Маргулиса амбиций не было: в 1927 году вопрос анкеты «Выполняли ли общественную работу до поступления в Консерваторию?» он оставил без внимания, а на вопрос «Желаете ли нести общественную работу в Консерватории, и какую именно?» уклончиво ответил: «По мере способности».

Из анкет также выясняется, что младший брат Маргулиса, работавший в редакции газеты «Ленинградская правда», погиб в Финскую войну и что в конце сороковых годов Маргулис женился, и у них родилась дочь.

22 июня 1941 года жизнь изменилась коренным образом. Каждый день вносил в нее что-то новое. Хотелось запечатлеть эти новые черты, сохранить их в памяти и на бумаге. Фиксируя происходящее с ним и вокруг, Маргулис пишет об обычных, рядовых, даже заурядных вещах — в дни войны «мелочи» приобретали особое значение. Свидетельства такого рода имеют свою ценность — История требует сложить возможно полную картину блокадной драмы Ленинграда. Описания Маргулиса подробны, правдивы, естественны — «он пишет, как дышит». Излагает события, мысли, чувства без малейшей деланости, не беспокоясь о мнении посторонних лиц.

Меньше всего внимания в дневнике он уделяет работе. Он оставался музыкантом-исполнителем (хороший скрипач понадобился и в военное время), но даже слова «репетиция», «концерт», «выступление» встречаются редко, а подробности и того реже: такого рода деятельность не представляла чего-то нового. Для музыканта-профессионала систематическая игра в ансамбле или в оркестре — почти рутинное занятие. Пришел, поиграл и отправился дальше по своим делам, вновь окунулся в проблемы и хлопоты быта.

Все же если вчитаться в дневник, то по разрозненным упоминаниям можно узнать, что Маргулис почти ежедневно участвовал в выступлениях на мобилизационных пунктах, в местах формирования, позже — в воинских частях, госпиталях. Из отдельных записей видно, что авторитетные люди хорошо отзывались об его искусстве, что его были готовы привлечь к работе (и привлекали) солидные учреждения. Проскальзывает в записях и другое — затаившаяся в глубине души тоска по тому времени, когда музыка была главным делом жизни, когда можно было в повседневных занятиях (необходимых, как для обычных людей зарядка) остаться с музыкой один на один.

Его блокадная жизнь сложилась так, что он постоянно перемещался по городу, общался с десятками (а может быть — сотнями) людей — то мельком, то длительно. В дневнике возникает целая галерея «моментальных фотографий», словесных портретов — то сделанных эскизно, штрихом, то прорисованных более тщательно. Складывается сложная полифония характеров, мнений, судеб. Одни люди сосредоточивались на своих, эгоистических проблемах, другие не забывали о близких, жертвовали своими интересами. Кто-то искренне верил в скорую победу, кто-то проявлял скептицизм. Многие стремились эвакуироваться, но немало людей категорически отказывалось уехать. Среди коллег Маргулиса были и юноши-добровольцы, и музыканты, идущие по призыву, и их товарищи, стремящиеся заметить отправку в действующую армию работой в музыкальных коллективах. Описывается поведение людей во время бомбежек и обстрелов города, на оборонных работах — иногда (особенно поначалу) паническое. Однако ленинградцы довольно быстро пообстрелялись, начали вести себя спокойнее.

Дневник пронизан разного рода приметами времени. Даже я, «стопроцентный блокадник», находил на его страницах что-то для себя новое. Приведу не очень серьезный, однако

о многом говорящий эпизод. Объявлена воздушная тревога, вой сирен извещает о том, что к городу приближаются немецкие самолеты. Водитель трамвая — по терминологии тех лет вагоновожатый — останавливает вагон, предлагая всем выйти и укрыться. Но люди хотят скорее попасть домой. К тревогам они уже привыкли, а идти пешком тяжело. И пассажиры начинают убеждать водителя, что он ослышался, что никакой тревоги нет...

Естественно, на первом месте в дневнике жизнь самого Маргулиса — события, мысли, переживания. В описаниях проявляются особенности его природы, его характер. На агитацию идти добровольцем он не откликнулся. Получая повестки военкомата, каждый раз являлся куда следует. Мобилизован он не был. Сыграло, видимо, свою роль его активное участие в концертных бригадах, обслуживавших армию, ходатайства с места работы. Мобилизации другого рода, как и иные предписания, охватывавшие всех ленинградцев, коснулись и его: впечатляющие страницы дневника посвящены летним оборонным работам под Кингисеппом, дежурствам в составе команд Местной противовоздушной обороны (МПВО). Маргулис участвовал в изготовлении маскировочных сетей, в уборке города. Короче говоря, был одним из десятков тысяч ленинградцев, в чью жизнь вторглась война.

Маргулис стремился уехать из Ленинграда. Но это не сложилось. Судьбой ему было определено вынести все испытания, выпавшие на долю города. Он постоянно ощущал висевшую над ним, как дамоклов меч, опасность стать жертвой бомбы или снаряда. Познал муки голода. Проблема еды — главная тема осенних и, особенно, зимних записей. В них регулярно сообщается о нормах выдачи продуктов, о ситуации в магазинах и столовых, о ценах на рынке, об обменных операциях (деньги утрачивали свое значение, и процветал «натуральный обмен»). Сообщается также о поступавших со стороны «подкреплениях». Артистов, приезжавших с концертами в воинские части, обычно «подкармливали» (ходовое

Фотография из личного дела
Л. Маргулиса. 1927(?).
ЦГАЛИ СПб

После окончания
консерватории.
Надпись на обороте:
«Дорогим родным
от долгожданного
„свободного
художника“.
Лева. 7 / X 1931 г.»

Репетиция в Большом зале Ленинградской филармонии. 1942.
Предоставлено А.Н.Крюковым

Концертный ансамбль. Дирижер — С. Аркин. Первая скрипка —
Л. Маргулис. 1943. *Предоставлено А.Н.Крюковым*

Продажа билетов в Филармонию на Невском проспекте в июне 1942 г.
ЦГАКФД СПб. Предоставлено А.И.Крюковым